
КОНЦЕПТ «ВОСКРЕСЕНИЕ» В ПОЭТИЧЕСКОМ ЦИКЛЕ Б. ПАСТЕРНАКА «СТИХОТВОРЕНИЯ ЮРИЯ ЖИВАГО»

Н.М. Дмитриева, О.А. Пороль

Кафедра русской филологии и методики преподавания русского языка
Оренбургский государственный университет
пр. Победы, 13, Оренбург, Россия, 460018

Автор статьи в библейском аспекте рассматривает концепцию пространства и времени в поэтическом сборнике Б.Л. Пастернака. Наиболее подробно анализируется семантическая наполняемость концепта «воскресение».

Ключевые слова: концепт, Б. Пастернак, «воскресение», семантика, Рождество, Иисус Христос.

Стихи Б. Пастернака являются поэтическими произведениями высокими по духовному и художественному содержанию. Из 25 стихотворений цикла семь посвящены библейским событиям: «На Страстной», «Рождественская звезда», «Чудо», «Дурные дни», «Магдалина» (два стихотворения с одинаковым названием), «Гефсиманский сад».

Каждое из стихотворений, на первый взгляд, — пастернаковская интерпретация евангельских событий, но при детальном анализе они раскрывают философию веры поэта.

Все эти стихотворения объединяет концепт «воскресение». Идея воскресения — главная в христианском мировосприятии. В церковнославянском языке воскресение понималось как «восстание из мертвых, оживотворение» и «первый день седмицы (недели)». В XVIII в. у слова появляется еще одно значение: «возобновление, восстановление, возрождение». В современном языке существует два омонимичных слова, первое из которых обозначает седьмой день недели, а второе (от глагола «воскреснуть») трактуется следующим образом: 1) стать вновь живым; приобрести новые силы, стать вновь бодрым; вновь возникнуть с прежней яркостью (о мыслях и чувствах); 2) в религиозных представлениях: возвращение к жизни Иисуса Христа [3. С. 98].

Концептуальное значение слова «воскресение» связано в первую очередь с воскрешением из мертвых Иисуса Христа. Само Рождество, земная жизнь Христа, Его смерть и Воскресение, предсказанные Богом-отцом через пророков в Ветхом Завете, — суть христианской веры. Воскресение Христа — победа над смертью, над земными законами. Он для того и пришел в мир, чтобы показать человечеству путь к спасению. Воскресение — это божественное чудо преодоления смерти, путь к вечной жизни. Таким образом, концепт «воскресение» включает все евангельские события. Через события, их пространство и время Пастернак раскрывает концептуальное значение воскресения.

Стихотворения «Дурные дни», «Магдалина II», «Гефсиманский сад» завершаются чудом воскрешения:

...И спуск со свечою в подвал,
Где вдруг она гасла в испуге,
Когда воскрешенный вставал...
(Дурные дни)

Но пройдут такие трое суток
И столкнут в такую пустоту,
Что за этот краткий промежуток
Я до Воскресенья dorасту.
(Магдалина II)

Я в гроб сойду и в третий день восстану...
(Гефсиманский сад)

В «Чуде» концепт «воскресение» раскрывается через понятия о жизни и смерти, через описание чуда, сотворенного Богом. Осуждение испепелило смоковницу дотла. Дерево, не приносящее плод, не могут спасти и законы природы, потому что «чудо есть чудо, и чудо есть Бог». Бог побеждает смерть и волен даровать спасение от нее всякой твари. Человеку надо помнить об этом и приносить плод (в христианском мировосприятии — плоды покаяния), чтобы не быть застигнутым врасплох «в смятеньи», «среди разброда», как смоковница.

В «Рождественской звезде» концепт «воскресение» завуалирован во времени и пространстве рождественской ночи, начала пути спасения от смерти. Не просто рождение, но рождение спасителя, Бога, даровавшего воскресение.

Уже в первой строфе «Рождественской звезды» автору удается стереть грань времен, передавая тревожное состояние той, самой первой, рождественской ночи, холода, таинственности, звука ветра. Пастернак использует прием звукописи — повтор гласных у, э, о:

Стояла зима
Дул ветер из степи
И холодно было Младенцу в вертепе
На склоне холма...

Онтологический смысл библейского события передается смешением пространственных и временных характеристик. Чудо рождения Богомладенца свершается одновременно в разных местах, на всем земном и неземном (горнем) пространстве, что передается разнообразием соответствующей лексики: *степь, вертеп, склон холма, пещера, ясли, утес, поле, погост, небо, полное звезд* и т.д.

Пространство то расширяется: *степь, утес, полночная даль, поле*, то сужается: после *степи* сразу упоминается *вертеп, склон холма* чередуется с *пещерой, яслями*. Масштабное пространство, обозначенное лексемами *утес, поле вдали, погост*, сужается до *оград, надгробий, оглобли в сугробе* и вновь расширяется до *неба, полного звезд*.

В следующей строфе автор переносит нас в библейский Вифлеем, куда освещает путь звезда, «застенчивей плошки» — звезда с того самого нашего, современного, небиблейского неба. Здесь «на пути в Вифлеем» она «пламенеет как стог», «как отблеск поджога», «как хутор в огне» и «пожар на гумне». *Стог, хутор,*

гумно — это уже Россия. Вифлеемская звезда сближает два мира, точнее все миры: *все мысли веков, все мечты, все миры, все будущее галерей и музеев, все шалости фей, все дела чародеев, все елки на свете, все сны детворы*, поэтому звезда возвышается *горящей скирдою соломы и сена* *среди целой вселенной*.

Это сближение миров подчеркивается географически: поклониться звезде спешили на верблюдах — из пустыни, на осликах — с гор. Дальше Пастернак мешает географические адреса, подчеркивая их вселенскость и одновременность, точнее вневременность. В степи появляется *пруд*, где растет *ольха*, вьют *гнезда грачи*, *поляна в снегу* (по данным словаря С.И. Ожегова, «поляна — небольшое, заросшее травой, открытое пространство среди леса, кустарников; выделяющееся среди чего-нибудь ровное, открытое место»), *хибарка*. И здесь же «снежная гряда», т.е. «ряд последовательно расположенных друг за другом предметов» [3. С. 148] и непонятно: это гряда комьев снега или же ряд снежных гор. Скорее всего, это и то, и другое, потому что с нее «незримо» входили в ряды и шли в гуще толпы «несколько ангелов» «по той же дороге, чрез эту же местность». Появление ангелов свидетельствует о чуде, непостижимости происходящего. От сияния звезды, от множества людей зима перестала быть зимою. Холод, но от него больше не холодно... Ночь, но спать невозможно... Бестелесные ангелы, но «шаг оставлял отпечаток стопы»...

В этой же степи, где смешаны пространства, мы видим камень, толпящуюся у него «ораву народу» и... *кедры* (в степи!). И здесь же возвышается скала, в отверстье которой «из несметного сброда» Мария впустила только волхвов. В этой библейской пещере тоже все смешано и *ясли из дуба* (в пещере!), и *месяца луч*, и *волы*, и *ослы*, чьи губы и дыхание заменяют Ему овчинную шубу. Младенец Христос не назван, достаточно оказалось только местоимения, так как это не просто младенец, это Бог, вездесущий, всеильный, всевидящий, всем близкий, понятный и недостижимый.

Пространство замыкается, связывается, как и время, звездой Рождества, «встревожившей целую вселенную» и при этом смотрящей на деву «с порога», «как гостя». Каждая строфа — это виток выше, новая смысловая и эмоциональная градация, смена глаголов и образных характеристик — так своеобразно передается автором усиление света рождественской звезды:

А рядом, *неведомая* перед тем,
Застенчивей *плошки*
 В оконце сторожки
Мерцала звезда по пути в Вифлеем.
 Она *пламенела*, как стог, в стороне
 От неба и Бога,
 Как *отблеск поджога*,
 Как *хутор в огне* и *пожар* на гумне.
 Она *возвышалась* *горящей скирдой*
Соломы и сена
 Среди целой *Вселенной*,
Встревоженной этою новой звездой.
Растущее зарево *рдело* над ней
 И значило что-то...

Приоткрывается завеса времени, сливается прошлое и будущее, события происходят вне времени. Без Рождества невозможно Воскресение.

«Гефсиманский сад» приближает нас к главному библейскому событию — распятию и воскресению Иисуса Христа. Это ночь накануне предательства. Пространство в стихотворении делится очень четко на широкое, вселенское, библейское, пока речь идет о Боге Христе, в первых трех строфах и резко сужается после строк

Он отказался от противоборства,
Как от вещей, полученных взаймы,
От всемогущества и чудотворства,
И был теперь, как смертные, как мы.

В начале стихотворения земное пространство сливается со Вселенной: «*Лужайка обрывалась с половины. / За нею начинался Млечный путь. / Седые серебристые маслины / Пытались вдаль по воздуху шагнуть*». После того, как Христос отказался от всемогущества и стал как «смертные, как мы», вселенная становится необитаемой, и только сад, где молился Христос, «был местом для житья». Вся вселенная вместилась в этот сад, потому что здесь совершалось главное, и после моления о чаше пространство становится совершенно земным и Человек выходит за ограду, где ученики «валялись в придорожном ковыле».

В стихотворении «На Страстной» следующий этап земной жизни Христа представлен одновременно и праздником, знаменательным событием, и вечным чудом Воскресения. И здесь Пастернак использует прием соединения пространства и времени, библейского (горнего) и земного.

В первой строфе — *звезды в небе*, которым «нет числа» и каждая из которых «как день светла» — это мир горний. Дальше *земля и земная церковь*, которая не называется, но присутствует, так как именно там люди ожидают чуда воскресения «под чтение Псалтыри». В следующей строфе пространство и время сливаются в единое целое:

Еще кругом *ночная мгла*,
Такая *рань* на свете,
Что *площадь вечностью* легла
От *перекрестка до угла*,
И до *рассвета* и тепла
Еще *тысячелетье*.

Обычная городская площадь перед церковью перестает обозначать пространство и становится символом вечности, разделяя ночную мглу до Воскресения и рассвет и тепло — после него, когда смерть (мрак, тьма, ночь) будет побеждена.

В следующих пяти строфах пространство представлено лексемами *земля, колокола, воля, певчие, берега, водовороты, лес, город, небольшое пространство*, где, «как на сходке, деревья смотрят нагишом в церковные решетки». Здесь наблюдаем, как и в «Рождественской звезде», сужение и расширение пространства: от *земли к колоколам*, от простора за храмом к *певчим* на клиресе, причем локус храма пред-

стает как безопасный островок, где можно переждать вечность до Воскресения. Вне его все голо: *земля голым-гола, лес раздет и непокрыт, деревья нагишом*. Вне стен церкви — ужас, тревога, «колеблется земли уклад: они хоронят Бога».

Не только мир людей, но вся природа воспринимается Пастернаком онтологически. Нагие деревья смотрят в церковные решетки и видят «свет у царских врат, и черный плат, и свечек ряд, заплаканные лица».

Пространство церкви обозначается в стихотворении лишь косвенно, деталями, не называется прямо: церковные решетки, колокола, певчие, царские врата, свечек ряд, крестный ход, притвор, паперть, чтение Псалтыри.

Вновь происходит сужение и расширение пространства, его одновременная безмерность и конкретность. Величие крестного хода как события делает огромным его пространство настолько, что «две березы у ворот должны посторониться». Крестный ход — это «шествие», большая торжественная процессия, но в реальности, в другом пространстве, а точнее в этом же, оно только обходит церковный двор «по краю тротуара». Оно сужается до конкретных людей, молящихся в церкви.

В следующей строфе пространство вновь расширяется: в притвор (маленькое помещение перед входом в церковь) шествие вносит *весну, воздух с привкусом просфора и вешнего угара*, сам «*март разбрасывает снег*» как щедрый властелин, раздающий из своего ковчега (в церкви ковчег — это ларец для хранения предметов, относящихся к обряду причастия) самое ценное, все без остатка.

Возвращается время: *пенье до зари, в полночь, нарыдавшись вдосталь*. Рыдают у Пастернака Псалтырь и Апостол, сами по себе, потому что чтение их не только чтение, а еще и открытие другого мира, совмещение пространств вне времени.

Последняя строфа раскрывает смысл человеческого бытия:

Но в полночь смолкнут тварь и плоть,
Заслышав слух весенний,
Что только-только распогодь,
Смерть можно будет побороть
Усиьем Воскресенья.

Это уже не интерпретация библейских, точнее, евангельских событий, а передача их ощущения, со-бытия с ними Пастернака, природы, всего мира. Кроме того, соучастие библейским событиям задается с помощью смещения разностилевой лексики. Созданию горнего мира служат слова греческого и церковнославянского происхождения, изначально предназначенные для рассуждения о божественном: *вещий, храм, распятье, миро* («Магдалина II»); *бодрствовать, противоборство, всемогущество, чудотворство, уничтоженье, небытие, необитаем, сподобить, лобзанье, святыня, восстать* («Гефсиманский сад»); *царские врата, плат, плащаница, просфора, ковчег* («На Страстной») и др. Использование сниженной, разговорной лексики выполняет две задачи. С одной стороны, она обозначает мир земной, человеческий, с другой — сближает его с онтологическим пространством, раскрывает человеческое в Христе. Например, в «Магдалине II»: *уборка, толчея, ведерко*. При этом из ведерка «обмываю миром» «я стопы пречистые твои». Сле-

дующая строфа так проста, что на месте Магдалины можно представить любую женщину, оплакивающую страдания и смерть Христа:

Шарю и не нахожу сандалий.
Ничего не вижу из-за слез.
На глаза мне пеленой упали
Пряди *распустившихся* волос.

Смешение книжной и разговорной лексики может придавать событиям сказочность не в значении «придуманное» событие, а желанное, прекрасное, как, например, в «Рождественской звезде»: «Застенчивей *плошки* / В оконце *сторожки* / *Мерцала* звезда по пути в Вифлеем; *Растущее* зарево *рдело* над ней; И *ослики* в сбруе, один малорослей / Другого, *шажками* спускались с горы; *шарканье* по снегу».

Таким образом, концепт «воскресение» в поэтическом цикле Пастернака «Стихотворения Юрия Живаго» в текстах, посвященных библейским событиям, является центральным, также как сама идея воскресения является сутью христианского мира. Концепт «воскресение» представлен Пастернаком следующим рядом главных слов-образов: *Воскресенье, Чудо, Бог, Рождество, жизнь, весна, тепло, победа, земля, небо, сказка, рассвет*, а также через противопоставления: *полночь, ужас, тревога, смерть*. Смысл воскресения раскрывается через соединение пространства и времени, земного и горнего пространства в результате использования разностилевой лексики.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Даль В.И.* Толковый словарь русского языка: Современное написание. — М.: АСТ, 2004.
- [2] *Дьяченко Г.* Полный церковно-славянский словарь. — М.: Отчий дом, 2001.
- [3] *Ожегов С.И.* Словарь русского языка. — М.: ОНИКС 21 век, 2003.
- [4] *Пастернак Б.* Доктор Живаго: Роман / Вступительная статья Е. Пастернака. — М.: ТЕРРА-Книжный клуб, 2002.
- [5] *Степанов Ю.С.* Константы. Словарь русской культуры. — М., 1997.

THE CONCEPT “RESURRECTION” IN POETIC COLLECTION OF VERSES OF B. PASTERNAK “THE POEMS OF YURI JIVAGO”

N.M. Dmitrieva, O.A. Porol

Department of Russian Philology
and Methods of Teaching Russian Language
Philological Faculty
Orenburg State University
pr. Pobedy, 13, Orenburg, Russia, 460018

The author of article in bible aspect considers the poetic concept of space and time of poetic collection of verses of B. Pasternak. It is most in detail considered concept “Resurrection”.

Key words: concept, Boris Pasternak, “Resurrection”, the semantics, Christmas, Jesus Christ.